

Яков Шехтер

История одесского раввина

Закончив воложинскую ешиву, сдав экзамены и получив смиху, звание раввина, Шая долго искал место. Брать лишь бы что он не хотел. Попадешь в какие-нибудь Яновичи или в еврейский поселок под Херсоном, там на всю жизнь и застрянешь. Не славы хотел молодой раввин и не солидного жалованья, а окружения – мудрецов, с которыми можно и поспорить, и вместе учиться.

Души у евреев, разумеется, святые, вот только разглядеть святость под грубой личиной водоноса или возчика не каждому по силам. Шае хотелось видеть реальные проявления этой души в повседневной жизни. Большое требование, скажете вы? Да, большое, но ведь Шая был еще молод, и такое желание вполне можно записать в разряд юношеской мечты.

Мало ли кто о чем мечтает?! Сняв носки и улегшись под одеяло, человечество грезит о богатстве, здоровье и удаче. Мужчины страстно размышляют о женщинах, женщины о мужчинах. А юный раввин мечтал о синагоге с хорошей паствой, о тонких понятливых прихожанах с добрым сердцем и обходительными манерами. В скобках заметим, что такие евреи встречаются только в раввинских мечтах, но Шая тогда этого еще не знал, и поэтому, обращая со своей просьбой ко Всевышнему, горел на молитве всем сердцем. И услышал Бог Шаю, и послал ему место раввина в Новобазарной синагоге города Одессы.

Ах, Одесса, это вам не Яновичи, хотя, конечно, совсем не Броды, и уж тем более не Люблин. Шая не рассчитывал встретить в Одессе прихожан своей мечты, но ему представлялось, будто лоск большого города нивелирует грубость простых людей. Название синагоги его не пугало, мало ли как называют евреи свои молельные дома...

Он и жена сошли на перрон одесского вокзала, полные надежд и ожиданий. Шая – высокий курносый юноша в круглых очках, с продолговатым лицом, обрамленным редкой бородкой. Хая – застенчивая молодая женщина в платке и коротком тулупчике, с чуть перепуганными глазами и смуглым личиком, на котором резко выделялся нос, похожий на клюв. Но не клюв хищной птицы, а галки или сороки, да и сама женщина больше походила не на раввиншу, а на выпавшего из гнезда птенчика.

Реальность южного города одним мощным ударом опрокинула их навзничь, и не будь они оба так молоды, последствия могли оказаться весьма печальными. Синагога действительно оказалась рядом с базаром, одним из самых шумных и бестолковых в городе, и молились в ней те, кто жил неподалеку и торговал на этом самом базаре. Самая подходящая публика для утонченного выпускника воложинской ешивы! Азохенвей*, по-другому не скажешь.

Новобазарная синагога представляла собой внушительное здание с красивым фасадом. Увы, внутри царили грязь и запустение. Две фракции прихожан добрый десяток лет упорно боролись за власть, применяя надковерные и подковерные приемы, которые в Одессе называли звучным словом «кунцы». Шая быстро разобрался, что своим неожиданным назначением в столь известную, старую и обладавшую внушительным числом прихожан общину он обязан именно этой закулисной борьбе.

Ни одна из партий не смогла провести своего кандидата в раввины, и тогда на общем собрании решили пригласить нейтрального человека, новенького, свеженького, неопытного. Каждая партия рассчитывала улестить молодого раввина, вовлечь в свои тенета и сделать проводником своей политики. Поняв, в чем состоит дело, Шая собрал правление и объявил, что будет заниматься только духовными вопросами.

– Я готов вести молитву, давать уроки, принимать посетителей, отвечать на любые вопросы, связанные с галахой – законом, – или толкованием Учения. Деньгами, должностями, вызовами к Торе, записью и дележкой мест пусть занимается староста и правление. Если вас устраивает такое распределение обязанностей –

* Одесский вариант произношения расхожего выражения на идиш: *аз ох унд вей* (только и остается, что воскликнуть «ох!» и «вей!»).

продолжим сотрудничество. Если нет, я готов завтра же съехать с казенной квартиры и освободить место для другого раввина, более подходящего Новобазарной синагоге.

Члены правления маленько ошалели от такой прыти, но, подумав и посоветовавшись, – согласились. Каждая партия рассчитывала выловить свою жирную рыбку в мутной водице. Однако ничего из этого не вышло, в итоге раввин не примкнул ни к одной из партий. Синагога продолжала пребывать в состоянии раздрая и полуразвала, но на это никто не обращал внимания. Глаз человеческий быстро привыкает к существующему положению вещей и перестает замечать то, что замечать не хочет.

Раввин Ишаягу проводил дни и ночи в безуспешных попытках сбежать от действительности. Южная жовиальность, помноженная на еврейскую импульсивность, превращала грузчика в биндюжника, а возчика – в балагулу. Что уж там говорить про торговцев с их замечательной привычкой не говорить, а орать, словно его должен услышать не сидящий напротив раввин, а покупатель на другом конце Нового базара.

Мечты Шаи, впрочем, как и большинство юношеских грез, испарились без следа. Возчики Яновичей и грузчики из Перемышлян теперь представлялись ему образцами утонченности и душевной деликатности. Каждый раз, услышав громогласное «шо», Шая вздрагивал, как вздрагивает приговоренный к смерти, когда к его шее прикасается ворсистая петля.

Спрятаться от грубой, саднящей душу и сердце реальности можно было только в книгах. И раввин Ишаягу ушел в них не только с головой, но и с руками, и с ногами. Утренняя молитва в синагоге закачивалась очень рано, большинство прихожан хотели оказаться на рынке к самому открытию. Город еще просыпался, и Шая, уложив в холщовую сумку три-четыре книги, быстрым шагом отправлялся на Соборку, Соборную площадь.

Проходя, вернее, почти пробегая по Торговой, он старался не слушать скрипа раскрываемых железных ставней и грохота телег, везущих товар по булыжной мостовой. Надсадные крики хозяев лавочек, балагулов и биндюжников, которые те искренне считали дружеским утренним разговором, приводили раввина в смятение.

Свернув на тенистую богатую Садовую, он переводил дух. Тут располагались дорогие магазины, которые открывались гораздо позже, чем лавочки на Торговой и Новом базаре. Редкие прохожие не спеша шествовали по чистым, точно вымытым, тротуарам. Окна верхних этажей были приоткрыты, и оттуда изливалась нега утреннего покоя зажиточных семей.

Лишь возле арочных входов в новое здание главпочтамта, еще пахнущее свежей краской, по ступенькам сновали почтальоны с черными кожаными сумками. Солидный швейцар, живое олицетворение незыблемости устоев, памятником застыл возле центральной двери.

Миновав почтамт, раввин через пять минут оказывался на Соборке. Он всегда занимал одну и ту же скамейку, справа от памятника Воронцову, спиной к собору и лицом к дому Либмана. Оттуда хорошо просматривался вход в кофейню на углу Преображенской и Садовой, украшенный изящными фонарями на кованых кронштейнах в виде женских фигур. Фигуры раввина не интересовали, он определял время по оживлению перед кофейней.

Когда у двери собирались пять-шесть занятых разговором человек, это означало, что пора собираться. Скоро пустую Соборку наполнят фребелички с воспитанниками, молодые мамы с младенцами, вышедшие в отставку военные, судейские, студенты. Все приходят подышать свежим воздухом и посудачить кто о чем.

Но до момента горестного расставания у раввина оставалось еще около двух часов, целых двух часов упоительной тишины. Нигде и никогда Шае так хорошо не думалось и не училось, как на утренней Соборке. Весь день проходил под сенью прочитанного, до глубокой ночи раввин возвращался мыслями к страницам старых книг, перелистанных на заре в благоуханной тени платанов. Тут было его спасение от грубости мира и неотесанности выпавших на его долю прихожан.

И чем глубже он погружался в учение, тем больше отдалялся от лоточников, биндюжников, лавочников и возчиков. Шае погружен, с полнотой пришла солидность, движения сами собой приобрели величавость и значимость. Даже когда он просто шел по улице, сразу было видно – идет важный человек. Все в нем было важным: и выражение глаз, и манера речи, и борода,

и шляпа, и брюки. Даже подметки его старых башмаков, несмотря на изношенность, тоже имели важный вид.

Стоит ли говорить, что раввин Шая был самым настоящим миснагедом, представителем «литовского» направления в иудаизме. Таким его воспитали в воложинской ешиве, и с каждым прожитым годом он убеждался в правильности наставлений, полученных от своих учителей.

Но вот что удивительно, чем дальше убегал Шая от шершавой действительности, тем сильнее эта действительность гналась за ним вслед. В глазах лоточников, биндюжников, лавочников и возчиков раввин, погруженный в духовный мир, выглядел настоящим святым. Прошло два или три года, и единственное, что теперь объединяло враждующие партии прихожан Новобазарной синагоги, было восхищение своим раввином.

– О! – говорили они, поднимая вверх указательный палец. – Ото ж цадык, ото ж праведник. Шоб наши дети уже такими были!

В отличие от мужа, раввинша Хая замечательно вписалась в деловую суету Нового базара. Все началось с уроков для дам, на которые собирались жены тех самых лоточников, биндюжников, лавочников и возчиков. Хая рассказывала просто, весело и понятно, и к ней приходили с удовольствием. После завершения урока пили чай с медовым пряником, судачили о том, о другом и о третьем.

Как-то раз одна из женщин, видя суровую скромность дома раввина, предложила Хае поучаствовать в небольшой сделке. За первой последовала вторая, третья, десятая. Прошло несколько лет, и заработки раввинши намного превысили жалованье раввина. Да и сама Хая сильно изменилась; испуганный галчонок, своей незащищенностью подкупивший сердце Шаи, превратился в солидную крупную галку. Широко расставленные ноги крепко удерживали ее на почве, широкие черные крылья легко поднимали в воздух могучее тело, а острый длинный клюв быстро наказывал неосторожных обидчиков.

Но Шае до этих метаморфоз не было никакого дела. Открыв для себя мир каббалы, он с утра до глубокой ночи витал в духовных сферах, переложив добычу пропитания, ведение хозяйства и воспитание детей на плечи своей праведной жены.

Одиночество, вот что больше всего угнетало Шаю. Не с кем было ни поделиться духовными открытиями, ни поспорить, ни просто обсудить. Ведь каббала это не открытая часть учения, о которой можно писать респонсы и читать проповеди. Тут все происходит в сумерках, шепотом, с глазу на глаз, и найти собеседника в этом мире теней огромная удача. Вернее, огромная заслуга, подарок, награда, которую Всевышний посылает тем, кто точно следует Его предписаниям.

В один из дней Шая проходил мимо каменных корпусов Нового базара. Он не собрался ничего покупать и ни с кем разговаривать, просто пересекал торжище, чтобы не делать кряк по параллельным улицам.

– Ребе, – обратился к нему бродячий торговец. – Ребе, купите книгу.

Предложение не совсем обычное для Нового базара. Шая внимательно оглядел торговца. Худой, с глубоко запавшими синими глазами и неровно свалывшейся бородой, явно требовавшей гребня, он протягивал книгу в черном клеенчатом переплете, делавшем ее больше похожей на гимназическую тетрадь.

«Почти наверняка дешевое издание вольнодумных баек и пустых побасенок», – с раздражением подумал Шая, но ответил самым мягким и благожелательным тоном:

– Я не читаю светские книги.

– Да она вовсе не светская, ребе! – воскликнул продавец. – Совсем даже религиозная, по каббале. Поглядите! – и он сунул книгу прямо в руки раввину.

Тот взял ее, открыл и замер. То было единственное издание старинного манускрипта, вышедшее почти двести лет назад в Венеции. Сам манускрипт давно пропал, а небольшой тираж книги разлетелся по всей Европе и осел у знатоков и ценителей. Шая встречал упоминания о книге и цитаты из нее в книгах других авторов, но даже предположить не смел, будто она когда-нибудь окажется в его руках.

Жадно открыв, он принялся изучать оглавление.

Да, тут было над чем задуматься. Многие темы, рассматривавшиеся в других трактатах вскользь или вполголоса, тут обсуждались с большой буквы. Шая открыл наиболее заинтересовавший его раздел и погрузился в чтение.

– Ребе, – продавец подергал его за рукав. – Сначала заплатите, ребе.

– Конечно, конечно, – Шая с трудом оторвался от книги. – Сколько ты хочешь?

Когда торговец назвал сумму, Шая замер во второй раз за последние десять минут. Цена была несусветной, несообразной, она почти равнялась его месячному жалованью. Раввин не привык торговаться, этим всегда занималась его жена, но сейчас ее не было рядом, и пришлось вступить в переговоры самостоятельно.

– Это очень дорого. Слишком дорого. Книги столько не стоят.

– Ну почему не стоят? – возразил торговец. – Стоят, да еще как. У меня за эту цену уже есть покупатель, но я подумал, что сначала надо показать ее раввину. Вдруг он захочет... – тут он сделал паузу и многозначительно взглянул на раввина.

Кто бы знал, как Шая ненавидел эти дешевые трюки, эти плоские базарные приемчики, рассчитанные на полных простаков, эту пустую похвальбу и бессовестное пускание пыли в глаза.

– Я готов заплатить ровно половину того, что ты просишь, – ответил Шая. – Но не больше.

– Нет-нет, – торговец схватил книгу и решительно вытащил ее из рук раввина. – Покупатель придет после полудня, так что у вас есть время передумать.

Шая ничего не ответил, сделав прощальный жест, он поспешил удалиться, кипя от негодования. Кого хочет провести этот наглец?! Он думает, будто раввин совсем ничего не понимает ни в ценах, ни в торговых уловках?

Вернувшись домой, Шая хотел завернуться в одеяло привычных дел и, отгородившись от мира, поплыть по привычному руслу дня. Хотел, да не смог – книга не отпускала. Прочитанные абзацы не уходили из головы, а бегло просмотренное оглавление стояло перед глазами, словно он специально выучил его наизусть. В книге скрывалось именно то, над чем уже несколько лет работал Шая, шаг за шагом продвигаясь по скользким тропинкам духовных миров. Знания, рассыпанные по крупичкам на страницах других трактатов, тут были собраны вместе и изложены по порядку, словно по его, Шаи, заказу.

Если бы ему посчастливилось встретить наставника и рассказать, что бы он хотел выучить вместе с ним, составленный план занятий выглядел бы примерно так, как оглавление этой книги.

Усилием воли оттолкнув бередящие душу сожаления, раввин постарался вести себя так, будто этот день ничем не отличался от предыдущего. Ему даже показалось, будто он успешно справился с задачей, и, укладываясь спать, улыбнулся, вспоминая свое смятение.

«Ничего-ничего, – подумал он, – завтра я отыщу этого молодчика. Суточное ожидание, несомненно, собьет с него спесь и цену».

Но следующим утром, сидя в узорчатой тени платана и в сотый раз осматривая скучающего Воронцова на постаменте, Шая понял, что готов заплатить любые деньги, лишь бы получить эту книгу.

Раввин немедленно поднялся со скамейки и устремился на базар. Войдя на площадь между торговыми корпусами, Шая растерялся. Ему казалось, будто он отыщет торговца на месте вчерашней встречи, но того, разумеется, там не было. Отыскать человека среди гудящей толпы было совсем непросто. Однако лоточники, биндюжники, лавочники и возчики Нового базара, узнав, что их раввин кого-то разыскивает, дружно взялись за дело, и спустя полчаса перепуганный торговец был доставлен.

Два мясника, обнаружив искомое в дальнем углу базара, подхватили его под локотки и потащили на весу через площадь.

– Куда ж вы меня несете?! – визжал торговец, болтая ногами в воздухе. – Я же ничего не сделал!

– Ребе разберется, – объяснял один из мясников, для убедительности слегка поддавая торговца локтем под ребра.

– Ребе, я ни в чем не виноват, – только и смог произнести он, оказавшись пред светлыми глазами раввина.

– Тебя ни в чем и не обвиняют, – успокоил его Шая, видя, что его добровольные помощники слегка перестарались. – Я пришел купить книгу, о которой мы вчера говорили.

– Но ребе! – вскричал торговец. – Я же вас предупреждал, у меня есть покупатель. Книга ушла еще вчера.

– Куда она ушла?! – вскричал раввин. – Кто ее купил?

– Залман-золотарь, – ответил торговец.

– Золотарь купил у тебя эту книгу? – не поверил своим ушам Шая.

– Да, именно он. И поверьте, ребе, я с трудом дождался, пока он считается и уйдет, – и торговец красноречивым жестом зажал нос.

– Где он живет, этот золотарь?

– Где-то в конце Спиридоновской.

Спустя час с помощью все тех же лоточников, биндюжников, лавочников и возчиков Шая получил точный адрес и немедленно двинулся на Спиридоновскую. Залман-золотарь проживал в небольшой пристройке во дворе дома номер 26, где размещалась талмуд-тора. Прежде чем постучать в дверь, Шая решил поговорить с дворником.

– Вам нужен Залман? – удивился дворник, коренастый болгарин с пышными усами. – Грязь, а не человек!

В подтверждение своих слов он презрительно харкнул на тротуар и тут же растер плевков подошвой до блеска начищенного сапога.

– Как его тут держат, ума не приложу? Является каждый день пьяный вдребадан, бьет жену смертным боем. Та минут десять покричит, как оглашенная, а потом, слава те Господи, до утра затихает. Видимо, этот бандит спать заваливается. Баба его, чтоб синяки скрыть, ходит замотанная в платочек. Я ей несколько раз помощь предлагал, проучить ее муженька или жандарма пригласить, да она отказывается. А воняет от него! – дворник еще раз плюнул.

– Они сейчас дома? – спросил раввин.

– Залман навряд ли, а вот его жена может быть. Постучите, это бесплатно, – дворник осклабился, показав два ряда неровных желтых зубов.

Раввин постучал, и дверь от ударов костяшек его пальцев приотворилась.

– Можно? – спросил он, переступая порог.

Никто не ответил, единственная комната пристройки была пуста. Стоя в дверях, раввин огляделся. Это была даже не нищета, а полное отсутствие всех необходимых для жизни предметов. Запирать пристройку не имело смысла, вору тут просто нечем было поживиться. И вместе с тем комната оставляла приятное впечатление: ровно выбеленный потолок, голубые стены, добротнo по-

крашенный пол, сияющие чистотой оконные стекла за выдавшими виды, но хорошо выстиранными марлевыми занавесками.

«А где же золотарь прячет книгу?» – подумал раввин. Внимательно осмотрев комнату, он заметил за пустым столом ящик, накрытый изношенной до дыр мешковиной, которую биндюжники выкидывают за ненадобностью.

Обогнув стол, раввин снял мешковину, поднял крышку ящика и обомлел. Тот был доверху набит книгами. И какими! Некоторые Шая хорошо знал, они служили ему маяками на пути духа, другие были незнакомы. Как умирающий от жажды, припавший к роднику с холодной водой, он принялся перебирать книги, одну за другой, дивясь и недоумевая.

Золотарь не мог понимать эти трактаты. Даже ученику ешивы они были не по зубам. Для того чтобы пробиться дальше предисловия, требовались годы и годы напряженной учебы. Оценить по достоинству эти потрепанные книги с засаленными переплетами и черными от грязи корешками мог только очень знающий человек.

И вот еще что. Страницы внутри были абсолютно чистыми. Кто-то намеренно постарался придать книгам отталкивающий вид, дабы не подвергать неискушенного воришку соблазну их украсть и перепродать.

И тут раввин Ишаягу сообразил, что, войдя без спросу в дом, он бесцеремонно роется в чужом имуществе. Быстро вернув книги на место, он закрыл мешковиной ящик и вышел из пристройки.

Дворник деловито махал метлой по чистому тротуару. Шая сунул ему полтинник:

– Я раввин Новобазарной синагоги, и мне необходимо срочно поговорить с Залманом. Будьте любезны, передайте это ему, когда он вернется.

– Отчего ж не передать, передам. Только вряд ли этот баламут и пьяница будет чем полезен. Я вам говорю, держитесь от него подальше.

До глубокой ночи Шая ожидал прихода Залмана, как ожидают прихода Мессии. Вне всяких сомнений, под маской вонючего золотаря, пьяницы и скандалиста прятался праведник, возможно, даже ламедвовник, один из тридцати шести скрытых цадиков,

на которых держится мир. Наконец-то Всевышний послал Шае учителя, и его вынужденному одиночеству наступает конец.

Но праведник не пришел. Ни вечером, ни утром, ни днем. После полудня, не выдержав пытки ожидания, Шая отправился на Спиридоновскую.

– Ух, какой тут был скандал! – вскричал дворник, завидев раввина. – Крику сколько, шуму, топанья ногами! Что вы там у него повредили?

– Я? – изумился Шая.

– Какие-то книги перепутали. Он взбесился, точно умалишенный. Погрузил пожитки на тележку и съехал.

– Съехал! – с отчаянием воскликнул Шая. – А куда?

– Кто ж знает? Не сказал.

Теплый вечер жадно обнимал Одессу, будто старый муж юную жену. Деревья на Соборке благоухали, полная луна серебрила листья, но Шая шел, не замечая красоты города. Праведник не захотел открыться, и это означало, что Шая не достоин общения, то есть не поднялся на должный уровень. Погруженный в размышления, он горестно всплескивал на ходу руками и тяжело вздыхал, не замечая удивленных взглядов прохожих.

Прошло несколько месяцев. Шая сильно изменился. Теперь в каждом лоточнике, биндюжнике, лавочнике и возчике он подзревал скрытого праведника. От его былого высокомерия и заносчивости не осталось следа. Кто знает, какие книги прячет в своем шкафу чистильщик обуви или уличный продавец папирос?

Приближался Пейсах с его проблемами, устрожениями и радостями. К раввину Ишаягу явились на разбирательство две соседки, бедная и богатая. Бедная всю зиму собирала грош к грошу, чтобы перед праздником купить большого гуся, вытопить жир и на нем готовить еду для Пейсаха.

Гусь был куплен, кошерно зарезан и принесен домой. Бедная соседка взялась его ощипывать и послала десятилетнюю дочку к богатой соседке за пасхальным казаном. Держать в доме специальную посуду для Пейсаха могли позволить себе лишь зажиточные люди, поэтому бедная соседка заранее попросила богатую одолжить ей этот чугунок.

Девочка принесла казан, мать вытопила жир, чисто вымыла чугунок и лично понесла возвращать. Она не успела вымолвить даже первого слова благодарности, у соседки при виде казана лицо пошло красными пятнами.

- Откуда у тебя это? – вскричала она.
- Что значит откуда? Дочка от тебя принесла.
- Кто ей дал, кто?
- Не знаю. А в чем дело?
- Это же молочный казан!

Бедная соседка завопила в голос. Пропали ее грошики, любовно собиравшиеся всю зиму, пропала готовка на праздник, ведь деньги на нового гуся было взять неоткуда.

Стали разбираться, как это произошло. Быстро выяснилось, что казан дала десятилетней дочке бедной соседки ее подружка, дочка богатой. Обе женщины пошли к раввину выяснять, что делать с посудой и с вытопленным жиром. Они надеялись, что умный и знающий ребе отыщет какой-нибудь малоизвестный параграф закона и... Впрочем, надежды на это почти не было.

Раввин Ишаягу выслушал соседок и задал всего два вопроса:

- Сколько лет девочке, которая дала казан?
- Одиннадцать.
- Она сделала эта сама или по указанию матери?
- Мать велела ей взять казан из сундука в левом углу кухни, а она перепутала и взяла из сундука в правом углу.
- Жир кошер, – постановил раввин Ишаягу. – Казан очистить огнем, окунуть в кипяток – и можно пользоваться.

Слова раввина моментально облетели всех лоточников, биндюжников, лавочников и возчиков Новобазарной синагоги и с их помощью разнеслись по всей Одессе. Насколько простые люди одобряли решение раввина, настолько же другие раввины и многоученые евреи ставили его под сомнение.

Ну и что? Шаю это уже не волновало. Он достиг такой степени самодостаточности, что пропускал мимо ушей критические высказывания, упреки и даже откровенную брань в свой адрес.

Прошел Пейсах, наступила весна, и Одесса зацвела, наполнилась птичьим гомоном и ярким солнечным светом. Одним утром, когда Шая проходил по Садовой мимо почтамта, спеша на свидание

с тишиной Соборки и ее начальником, безмолвным графом Воронцовым, его остановил почтальон.

– Как хорошо, что я вас встретил, уважаемый раввин! – воскликнул он, доставая из сумки пакет. – Вам посылка, распишитесь, пожалуйста.

– Прямо здесь, на улице? – удивился Шая.

– А вы разве хотите вернуться домой?

Шая молча расписался, взял пакет и пошел дальше. На это утро у него были большие планы, и он не хотел терять даже одной минуты на бессмысленный разговор с почтальоном. Дойдя до Соборки и заняв свою скамейку, он все-таки оглядел пакет и замер. В графе «отправитель» значилось: Залман, Спиридоновская, 26.

Сломав дрожащими пальцами сургуч и разорвав бумагу, Шая извлек на свет ту самую книгу. Ни записки, ни отмеченных страниц, ни закладок, ничего. Просто книга и больше ничего.

Спрятав ее в карман, Шая поспешил на Спиридоновскую. Может быть, Залман вернулся на старую квартиру или оставил для него сообщение? Ведь книга означает, что он допущен, прошел проверку, и теперь – наконец-то! – начинается новая долгожданная жизнь.

Увы, в пристройке во дворе жили люди, не слышавшие о Залмане-золотаре, и никакой записки или устного сообщения никто не оставлял.

Шая вернулся на Соборку, окинул взглядом профиль наместника одесского края, достал книгу, открыл и пропал. Очнулся он от удара по ноге; расшалившийся мальчишка попал в него мячом. Площадь уже была полна нянями и фребеличками, Шая поднялся и поспешил домой.

Новая жизнь действительно началась. Он теперь не расставался с книгой. Некоторые ее страницы были понятны почти сразу, а над другими он проводил целые дни, пытаясь расшифровать сокращения, затем увязать открывшийся смысл со своими представлениями о мире. И чем дальше он погружался в глубины книги, тем шире раскрывались перед ним закрытые прежде двери.

Прошло много лет. Выросли и обзавелись собственными семьями дети Хаи и раввина Ишаягу, деревья на Соборке разрос-

лись, почти перекрыв кронами аллеи. Одесса потеряла интимность и уют небольшого города, превратившись в транспортный узел, центр торговли и перевалочную базу товаров. Шая по-прежнему витал в духовных мирах, за глаза евреи его называли святым раввином, а русские и украинцы угодником. Скромные сделки Хаи превратились в процветающий мануфактурный магазин, на доходы с его оборота безбедно существовала большая семья раввина.

Летом 1913 года Шая попросил жену собрать после завершения субботы всех детей вместе с женами.

– Есть важный разговор. Надо обсудить.

Хая удивилась. За долгую совместную жизнь муж еще ни разу не обращался к ней с подобного рода просьбами. В дела по хозяйству он никогда не вмешивался, а вопросы духовные разбирал самостоятельно. Как Хая ни пыталась вызнать, о чем пойдет речь на семейном совете, Шая лишь отмалчивался.

Летние субботы в Одессе заканчиваются поздно. Пока уложили детей, пока собрались, стрелки на часах приблизились к полуночи. Раввин Ишаягу сидел во главе стола, покрытого белой скатертью, с бесстрастным выражением лица. Рядом лежала книга. Та самая, уже изрядно потрепанная книга, заглянуть в которую хотя бы одним глазом безуспешно мечтали многие.

Когда все собрались, расселись и уgomонились, раввин Ишаягу положил на нее правую руку, словно готовясь принести клятву, и сказал.

– Идет большая беда. Из Одессы нужно уезжать.

– Уезжать? Из Одессы? – вскинулась Хая. – Но куда?

– Сказано, убежище будет в Сионе.

– В нищую Палестину? Апельсины выращивать? – зашумели дети. – Там же нет ни школ нормальных, ни промышленности, ни торговли! На что там жить, чем заниматься?

Раввин молчал. Когда волна возмущения стихла, он возвысил голос.

– Как ваш отец, как раввин, как глава семьи я требую.

Он замолк. Кто научил Шаю искусству держать паузу, или это понимание пришло к нему свыше, но выполнил он сей сценический прием мастерски. Спустя минуту в полной тишине Шая произнес:

– Не считайте меня умалишенным или свихнувшимся от чтения. Я точно знаю, – он постучал пальцами по книге, – надвигается бедствие. Катастрофа, перед которой померкнут даже погромы Богдана Хмельницкого, да сотрется имя злодея.

– Так, – деловито спросила Хая. – Сколько у нас есть времени?

Ей хватило нескольких минут, чтобы пережить первый шок, свыкнуться с мыслью и приступить к действиям.

– Надо торопиться, – ответил раввин Ишаягу.

– Можно я расскажу об этом подругам?

– Тебе все равно никто не поверит, – грустно ответил раввин. – Только прослынешь сумасшедшей. А это может помешать сборам.

В конце мая 1914 года большая семья раввина, зеленая от недельной качки, вступила на пристань Яффского порта. Шая тяжело опустился на колени и припал губами к пахнущему рыбой грязному бетону.

В этот же самый день за три тысячи километров от Святой земли боснийский студент Гаврила Принцип получил от командира ячейки террористической организации «Млада Босна» новенький револьвер и приступил к учебным стрельбам. До его поездки в Сараево оставалось меньше месяца.

В Яффо Хае не понравилось. На грязных узких улицах воняло ослиной мочой, валялись полусгнившие остатки овощей. Днем солнце накаляло стены домов так, что нечем становилось дышать, а ночью в окна вривался сырой морской воздух, от которого на Хаю накатывались приступы кашля. Но больше всего ее изводили истошные вопли муэдзинов.

– Ой, я больше не могу это слышать! – восклицала Хая, затыкая пальцами уши. – Я не выдержу, я сойду с ума!

– Но в Одессе ты же не обращала внимания на колокольный звон, – успокаивал ее Шая. – И к муэдзинам привыкнешь.

– Тоже сравнил! – возмущалась раввинша. – Нет, я не выдержу!

Кто-то рассказал ей о новом еврейском поселении в четырех километрах к северу от Яффо. Строили его для зажиточных людей. В нем были просторные улицы, уютные дома под четырехскатными крышами из красной черепицы, много зелени и ни одного муэдзина.

– Мы тоже зажиточные! – провозгласила Хая, сумевшая выгодно распродать нажитое в Одессе имущество и благополучно перевезти через море зашитые в нижнее белье золотые червонцы.

Для жительницы большого города четыре километра не крюк, в хорошие торговые дни Хая нахаживала по Одессе куда больше. Выйдя из Яффо после завтрака, к обеду она уже сняла дом на улице Иегуда Алеви. Перед домом были высажены пальмы с огромными жестяно шуршащими листьями, а сразу за ними распахивались охряно-желтые дюны, упиравшиеся в голубую полосу моря.

– Я сбила цену почти на треть, – гордо рассказывала Хая мужу. – Хозяин дома, винницкий мямля, никогда не сталкивался с торговцами Нового базара. Он просто не понял, откуда я на него свалилась!

Переехали на следующий день, возчик араб сложил на арбу, запряженную двумя сердитыми ослами, все имущество раввинской семьи и неспешно потрусил вдоль берега моря. Семья в полном составе тронулась следом.

Дом оказался большим и удобным, в нем были водопровод, ванная и туалет, роскошь даже по одесским масштабам. Все было замечательным, кроме одного обстоятельства, которое винницкий мямля не то чтобы скрыл, но не подчеркнул, а раввинша не заметила. В ста метрах от дома проходила железнодорожная колея, и десять, а то больше раз на дню по ней с грохотом, скрежетом и скрипом прокатывались составы из Яффо в Иерусалим и обратно. Сговорчивость мямли оказалась вполне объяснимой. Слава Богу, что по ночам поезда не ходили!

Зато в остальные часы тишина была полной. Нарушал ее только едва слышный шум прибоя, пересвистыванье птиц и шуршание веток пальмы у крыльца. Соседи не мешали – в зажиточных домах не было принято шуметь.

– Мы выехали на дачу, – не уставала повторять Хая. – Солнце, свежий воздух, апельсины.

Дача дачей, но кормиться надо. Дети с самого утра расходились в поисках заработка, оставив на бабушку внуков и внучек, а Шая отправлялся на берег. Взвалив на плечо большой зонт и подхватив свободной рукой складной стул, он после молитвы уходил к морю.

И знаете что, там было даже лучше, чем на Соборке! Он мог до вечера просидеть под зонтом, не увидев ни одного человека. Только в сапфировой глубине моря распускались, а потом опали паруса рыбацких лодок, выходящих из Яффо. Вот теперь Шая понял, что такое вдохновение, и как высоко взлетает мысль под неумолчный шум волн.

Общепринято, что духовное выше материального. Выше, то есть ближе к Создателю. Молитва, учеба, размышление поднимают душу человека над грубостью материи. Но так ли это?

Душа часть Всевышнего. Она попадает в тело после множества сжатий и сокращений, ведь иначе бесконечный Бог не сумеет поместиться в крохотную материальную оболочку. Но вот сама оболочка, казалось бы, грубая, примитивная плоть, именно она куда выше души. Ведь для того чтобы ее создать, преодолеть пропасть между духом и материей, Творцу пришлось затратить особые усилия, несравнимо большие, чем просто сжатия и уменьшения. А значит, связь тела с Богом крепче, чем у души, и поэтому примитивные материальные действия выше и ближе к Создателю, чем самая глубокая молитва и утонченная учеба. Все наоборот!

В Европе началась война, Турция тоже принимала в ней участие, но раввина Ишаягу новости не интересовали. Он знал, что добрался до верного берега и что все уже хорошо. О заработке он не думал, этим занимались Хая и дети, и рассчитывал остаток своих дней провести под зонтом у моря. Одесса приучила его к духовному одиночеству, он почувствовал в нем вкус, понял в нем смысл и отыскал упокоение. На общественную деятельность Шая потратил многие годы, возможно, лучшие годы его жизни, и больше не намеревался ею заниматься. Но вышло по-другому.

Однажды утром в дверь постучали. На пороге стоял коренастый по-традиционному одетый господин лет сорока.

– Могу ли поговорить с раввином из Одессы? – вежливо осведомился господин.

Хая проводила гостя к мужу.

– Меня зовут Эфраим, – представился тот, усевшись на предложенный хозяином стул. – Я живу в Неве-Цедек, работаю управляющим апельсиновыми плантациями в районе Гедеры.

– Чем могу быть полезен? – скрывая нетерпение, спросил Шая. Ему хотелось поскорее закончить разговор и оказаться на берегу моря.

– Я соблюдающий законы еврей, – начал Эфраим, – и попал в переделку, из которой не могу выпутаться без совета раввина. Скажу начистоту, пришел я к вам потому, что вы не просто раввин, а раввин из Одессы, города, славящегося м-м-м, как бы лучше выразиться, широтой взглядов.

– Вы имеете в виду либеральность в трактовке закона, – уточнил Шая.

– Ну, что-то в этом духе, – согласился Эфраим. – Сейчас я расскажу вам мою историю, и вы поймете, почему тут необходима именно широта подхода.

Шая понял, что быстрым этот разговор не получится, уселся удобнее на стуле и вопросительно взглянул на Эфраима.

– Моей старшей дочери Эстер год назад исполнилось девятнадцать. Возраст, когда еврейской девушке пора выходить замуж. Мы стали искать жениха, разумеется, с помощью шадханов, профессиональных сватов. Вскоре нам нашли хорошего парня из Иерусалима. Семья замечательная, и юноша богобоязненный, ученик ешивы. Только условие у них одно, в Старом городе принято, чтобы жених и невеста в первый раз встретились уже под хупой.

Ну, мы с женой поехали в Иерусалим и через знакомых навели справки. Оказалось, все точно, как рассказывали. Тогда встретились с семьей жениха и с ним самим. Очень приятные достойные люди, и парень хороший, тихий, скромный. Не красавец, но и не урод, парень как парень.

Вернулись мы домой, поговорили с Эстер. Она поначалу ни в какую, но потом поверила родителям и согласилась. Охо-хо!

Эфраим закашлялся, раввин быстро поднялся, вышел из комнаты и, вернувшись, поставил на стол перед гостем кувшин и кружку.

– Попейте воды.

Эфраим кивнул, налил полную кружку и жадно выпил. Его кадык двигался вверх и вниз, натягивая сморщенную темную от загара кожу. Глядя на шею гостя, раввин понял, что его моложавая внешность обманчива, и он гораздо старше, чем выглядит.

– А дальше было вот что. Это мы от жениха узнали, вернее, от мужа. Из Эстер слова не вытащишь, охо-хо... Н-да...

Он замолчал, словно собираясь с силами, а затем быстро выложил всю историю.

– После хупы, когда молодых отвели в комнату уединения, Эстер откинула толстую фату и разглядела мужа. Он попытался взять ее за руку, но она с отвращением ее отбросила.

– Я тебе совсем не нравлюсь? – с улыбкой спросил молодой муж. Он хотел шуткой разрядить атмосферу. Но получил обескураживающий ответ.

– Ты мне противен. Почему ты не захотел, чтобы мы увиделись до свадьбы?

– Это обычай нашей общины, – возразил муж. – Моя мама вышла так замуж, и бабушка, и прабабушка. И, слава Богу, создали прекрасные семьи. Пойми, традиция плохого не подскажет.

– Вот и живи с традицией, а не со мной! – вскричала Эстер, бросила в жениха фату, выскочила из комнаты и убежала со свадьбы. Стыд, позор, и крушение духа!

Эфраим тяжело вздохнул и выпил еще кружку воды. Раввин Ишаягу молчал, ожидая, пока гость доведет рассказ до конца.

– Первые две недели Эстер пряталась у подруги в Хадере, а потом мы с трудом убедили ее вернуться домой. Ни о каком замужестве она и слышать не хочет. И про развод тоже. Говорит, что разводят замужнюю женщину, а процедура, которую она прошла под хупой, была ошибкой, поэтому изначально недействительна.

Муж на развод не согласен. Эстер ему понравилась, он и его родители убеждены, что девушка успокоится, вернется, и все будет хорошо. А мы с женой не знаем, что делать. Вот, может, вы что посоветуете.

– Я не понимаю, – развел руками раввин Ишаягу. – В Талмуде ясно написано: запрещено жениться, не увидев избранника. Люди придумывают себе обычаи, отрицающие закон, а потом не знают, как выкрутиться.

– Пожалуйста, ребе, – умоляющим тоном произнес Эфраим. – Пожалуйста!

– Прежде всего, я должен поговорить с Эстер, – сказал раввин после непродолжительного раздумья.

– Мы предполагали, что вы этого захотите. Она здесь, гуляет на улице. Сейчас я ее приведу.

Эстер оказалась белозубой черноволосой красоткой с заплаканными глазами.

– Чем тебе не понравился муж? – спросил раввин.

– Он не муж мне! – вспыхнула Эстер. – Это была ошибка.

– Твой отец уже познакомил меня с твоим мнением, – спокойно ответил раввин. – Мой вопрос не об этом.

– Такого суженого я могла только в страшном сне увидеть, – воскликнула Эстер. – Все, что мне неприятно в парнях, в нем собралось. Как вспомню его лицо, его голос, его липкую руку, передергивает от отвращения.

– Ты отдаешь себе отчет, что в той ошибке есть и твоя вина? – спросил раввин.

– Моя?! – Эстер прижала руки к груди. – А я-то чем провинилась?

– А муж твой чем? При таком внимательном отношении к внешности ты была обязана настоять на предварительной встрече. Или не соглашаться на брак.

– Ну, хорошо, я ошиблась, – Эстер зашмыгала носом, и было видно, что еще мгновение – и по ее щекам покатятся слезы. – Так неужели из-за этой ошибки, из-за слабости, из-за почтения к родителям я должна всю жизнь провести рядом с человеком, который мне противен?!

Раввин задумался. Затем попросил Эстер оставить его наедине с отцом.

– Написано в Торе, – сказал он, когда дверь в комнату затворилась, – плохо человеку быть одному. А это значит, что не одному, то есть в семье, должно быть хорошо. Есть два случая, когда закон разрешает детям идти против воли родителей. Если юношу отдают в ешиву, где он не хочет учиться, он может воспротивиться. И когда юноше или девушке не нравится предлагаемая пара, они имеют право сказать нет. Я думаю, мы не можем заставлять Эстер жить с тем, кто ей не по сердцу.

– Но что же делать? – вскричал Эфраим. – Муж и его родители не согласны на развод!

– Я напишу главе ашкеназской общины Иерусалима, – сказал раввин Ишаягу. – Думаю, они прислушаются к его мнению.

Эфраим отправился в Иерусалим в тот же день и к вечеру уже сидел перед раввином Зоннефельдом. Вид у иерусалимского раввина был суровый, не в пример одесскому. Непримирымый борец с просвещенцами, он не мог выглядеть иначе: отступников становилось все больше и больше, и раввину было из-за чего сидеть с хмурым видом.

– Что на повестке дня? – строго спросил раввин.

– Вот, – ответил, немного оробевший Эфраим, протягивая записку. Он, разумеется, слышал о грозном главе ашкеназской общины, но встретился с ним впервые и даже не мог представить, что тот окажется настолько суровым.

– Кто это написал? – совсем иным тоном произнес раввин Зоннефельд, прочитав записку.

– Раввин из Одессы. Сейчас он живет в Тель-Авиве.

Следующим утром Шая почему-то захватил с собой еще один раскладной стул и отправился на берег моря. Жена не стала ни спрашивать, ни возражать. Хочет человек тащить на себе лишний стул, пусть тащит. С годами ее муж становился все более и более странным, и она не знала, не могла определить, к добру это или к худу. Каждую субботу, благословив свечи, раввинша еще долго стояла с закрытыми глазами, моля доброго Бога о счастье для детей и внуков, о спокойствии на Святой земле и о мире для всего еврейского народа. С недавних пор она стала молиться и о муже, просила Господа хранить его на потайных путях и скрытых тропах, по которым он пробирается в полном одиночестве.

Когда на пороге возник человек в раввинском сюртуке, с раввинской бородой и в раввинской шляпе, Хая не удивилась. В Одессе раввины хоть и не часто, но захаживали к ним в дом, и она терпеливо ждала, когда же ее мужа признают и на Святой земле.

– Раввин Зоннефельд хотел бы поговорить с раввином Ишаягу, – произнес Эфраим, зная, что глава общины старается не разговаривать с женщинами, дабы выполнить сказанное в «Почувствиях отцов»: умножающий беседы с женщинами умножает количество глупости в мире.

– Раввин на берегу моря, – ответила Хая. Она сразу поняла, в чем дело, в Одессе тоже встречались ученые евреи такого рода. – Идите прямо по тропинке через дюну, увидите зонтик, он там.

Раввин жестом попросил Эфраима остаться и сам отправился на берег. Он отсутствовал больше двух часов, а вернувшись, поспешил к станции дилижансов на углу улицы Герцля и Народного бульвара, дабы успеть вернуться в Иерусалим. Эфраим не мог не заметить, что против своего обыкновения раввин Зонненфельд весьма учтиво попрощался с Хаей, благословив ее саму, ее детей, внуков и ее мужа.

Эстер получила развод через две недели, а слух о том, что грозный глава ашкеназской общины Иерусалима самолично приезжал побеседовать с раввином Ишаягу, произвел эффект разорвавшейся бомбы. Большинство жителей Тель-Авива принадлежали к тем самым просвещенцам, с которыми боролся суровый раввин, поэтому его нога до сих пор ни разу не ступала на улицы этого поселения.

Надо сказать, что тельавивцы не были ни злостными отступниками, ни заклятыми борцами с религией. В детстве почти все они учились в хедерах, а некоторые даже в ешивах. Другой путь они выбрали из-за любви к еврейскому народу, предполагая, будто он быстрее приведет его к спасению от мировой ненависти, погромов и преследований. Теплый огонь субботних свечей, которые зажигали их мамы и бабушки, до сих пор согревал сердца.

Они бы с радостью советовались с раввинами, если бы те стали их слушать. И вот, оказалось, что на соседней улице живет человек, поговорить с которым приезжает издалека не кто-нибудь, а грозный раввин Зонненфельд. Так бремя социума вновь настигло Шаю и, грузно опустившись на его плечи, возлежало на них до самого конца его длинной жизни.

Шли годы. Тропинка в дюнах превратилась в улицу, а на пустынном пляже возникла набережная с кафе и ресторанами. Соборка вернулась, блаженные часы одиночества теперь доставались Шае лишь раним утром. В отличие от чинной благопристойной Одессы, его покой нарушали не фребелички и няни с детьми, а полураздетые купальщицы. Подобной наготы раввин не видел даже на брачном ложе и, разумеется, покидал берег задолго до появления первых любителей утренних окупаний.

Распущенная тель-авивская публика относилась к Шае с величайшим почтением, без всякого сарказма или усмешки именуя

его «наш святой». Официанты с вечера оставляли для него стул и столик под раскрытым зонтом, чтобы уже немолодой раввин не утруждал себя тащить груз через город.

Впрочем, настало время, когда Шая понял, что уже не зависит от внешних условий. Теперь он достигал необходимой сосредоточенности где угодно, в любой обстановке. Мир с его шумом, треском и бахвальством отступал, стоило лишь захотеть. Проголки на берег потеряли смысл, раввин заходил в свой кабинет, опускался в глубокое кресло, обитое черной прохладной кожей, раскрывал заветную книгу и через минуту оказывался в пространстве духовности.

Чем выше человек поднимается, тем больше старается стать незаметным. О последних сорока годах раввина Ишаягу широкой публике почти ничего не известно, а ученики и семья предпочитают хранить молчание. Его сын, замминистра образования в правительствах Бен-Гуриона и Леви Эшколя, поделился лишь одним эпизодом.

– Одним осенним утром отец вернулся с пляжа раньше обычного, весь мокрый от пота, взъерошенный, с покрасневшими глазами.

– Что случилось, ты заболел? – бросилась к нему мать.

– Я покончил с ним, – ответил отец и ушел к себе в кабинет.

На следующий день пришли известия о поражении армии Роммеля под Эль-Аламейном.

Раввин Ишаягу прожил почти девяносто лет, видел создание Государства Израиль, похоронил внука, погибшего во время войны за Независимость, руководил свадебными церемониями правнучек и правнуков. Он умер в своем кресле с книгой на коленях. Ушел в духовные миры и не вернулся. Не смог или не захотел возвращаться.

Его библиотеку подарили главной синагоге Тель-Авива на улице Алленби. Книга в черном клеенчатом переплете, делающем ее больше похожей на тетрадь, до сих пор стоит на одной из полок. Стоит, дожидаясь очередного избранника.

Тель-Авив